

Олег Ока

фантастика

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

На два не делится...

Олег Ока
Бесконечность
на два не делится

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278711
ISBN 9785448557880

Аннотация

Два человека любят друг друга. Но у них есть общая тайна. Оба обладают аномальными способностями, которые всё развиваются, усложняя им жизнь. Кто создал их и наделил необычными качествами?

Содержание

Часть первая. Город	5
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Бесконечность на два не делится

Олег Ока

© Олег Ока, 2017

ISBN 978-5-4485-5788-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Город

– Кролик – он умный! – сказал Пух в раздумье.

– У него настоящие Мозги.

– Да, – сказал Пятачок, – у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

*– Наверно, поэтому, – сказал наконец Пух, –
наверно,
поэтому-то он никогда ничего не понимает!*

А. Милн «Винни Пух и все-все-все»

*– Видишь, в позе ожидания встали стада ... —
А. Макаревич» Слива»*

Глава 1

1. – Кота звали Бубликом.

Как-то осенью Бублик загулял, и Би слышал, как вышедшая во двор хозяйка звала пропавшего кота, а мужик из соседнего подъезда, иногда по осени подметавший двор реденькой метлой из лысых прутьев, инструктировал её :

– Чтоб котяра не расслаблялся, иногда, тётя Вася, полезно неожиданно выливать на него ковшик холодной воды ... —

– Тебе за шиворот иногда очень полезно, – беззлобно от-

вечала хозяйка кота, и продолжала взывать, – Бублик, Бублик!!! —

Целыми днями Бублик сидел на подоконнике, между горшками с какими-то рододендронами и водил глазами по двору. Во дворе обычно ничего не происходило, и смысла в котовых наблюдениях никакого не было. Зимой снег или дождь, или снег с дождём. Вечером, часов после четырех, синий свет озарял пустой двор с жёлтыми прямоугольниками оконного света.

В углу двора торчал «Запорожец», или что-то похожее, насквозь ржавый, когда-то жёлтый, правой дверцы нету, вместо заднего правого колеса чисто символически три кирпича... По археологическим данным – методом радиоуглеродного анализа – лет сорок торчит... Больше машин здесь не было, поскольку арка, ведущая на проезжую 12-ю Красноармейскую была перекрыта металлической решёткой с узкой дверью, и машины жильцов двора складировались вдоль тротуара. Так что во дворе из транспорта присутствовали только три детские коляски, одна из которых принадлежала дворнику в качестве служебного транспорта...

Как-то Би столкнулся с хозяйкой кота во дворе, уже посторонился было, потом задержался; – Извините, Василиса...? —

Тётка тяжело дышала, но глаза были живыми, быстрыми, оглядела испытующе, потом сообразила – из третьего подъезда жилец...

– Какая Василиса? Татьяна Кондратьевна я. Слушаю вас

... —

– Извините, мне казалось... —

– Это про Ваську-алкаша? У него мозги поплывши. —

– Да, понятно... Я... про кота вашего хотел спросить...

Почему «Бублик»? Ведь он – Бублик? – Глаза Татьяны Кондратьевны сощурились, будто вспомнилось что-то своё, давнее... – Кот. Котяра... Когда я взяла его к себе... Худющий был, рыжий... длинный... Обычно свернётся клубочком в кресле – издали точно бублик лежит... Так и пошло

... —

Она вздохнула.

– Пять лет уже придурку... У самого-то нет живности? —

Би почему-то смутился.

– Да как-то так... не удосужился... Кочевая у меня жизнь, туда-сюда ... —

– А самому-то лет сорок? – её взгляд похолодел – И один? Впрочем, всяко бывает... У каждого своё ... —

Так и поговорили... Только кот Бублик в окне напротив уже как знакомый

стал, вошёл в личное пространство...

2. – В «Макдональдсе», что рядом со станцией метро «Нарвская», сидели двое. Пили кофе, на столике перед ними стояли уже четыре стаканчика, и это показывало, что разговор был трудным.

Мужчину звали Сергеем Захаровым, это был крупный, обычно шумный и привлекающий внимание человек. Сейчас он не был таким.

– Я не понимаю, что тебя так беспокоит, Алла. Это его обычное состояние. Интроверт, инертный, пассивный и витающий в пространстве ... —

– Он всегда жил сам за себя. Он не эгоист, но он всегда всё решал сам. Спрашивал совета, но видно было, что это только вежливость, ведь он самый настоящий интеллигент. Никогда не могла понять, откуда это у него. Отчим – шофёр, книжек не читал, футбол, да рыбалка. Просто самый обычный, ограниченный человек, не плохой, но... они пытались найти общий язык, он мне говорил об этом... когда мы ещё учились в школе. Но слишком разными были их интересы... И мать... Обычный, простой инженер, просто хороший человек. Она-то понимала, видимо, материнским чутьём – нет у них ничего общего... Он был очень одиноким человеком. —

– А друзья? —

– Были, конечно. Один парень, одноклассник – общего у них было только увлечение фантастикой... Ещё три-четыре человека... Гитары, не знаю... Не понимаю, что их связывало, наверное, это было то, что называют дружбой, настоящей дружбой, когда говоришь правду, не заботясь о том, какое это произведёт впечатление... Он об этом говорил так – Дружба, это когда берёшь в долг, и у тебя не спрашивают,

когда отдашь, и не потому, что верят, а потому что это, как себе в карман положить ... —

Весна только началась, но и зимы, по Питерскому обычаю, в общем и не было. По тротуарам текли мутные ручьи, прохожие месили грязную снежную кашу, старались ступать по остаткам льда. Получалось плохо, или в воду, или риск, поскользнувшись, растянуться во всём этом безобразии... Иногда грохались сверху подтаявшие айсберги...

— Где он сейчас обитает? Ведь на Бумажной вы уже не живёте? —

— Когда он уехал, в середине 90-х, дом наконец затеяли ломать. Нам по-ордеру на троих дали «двушку» в Озерках. Сын уже детёнышем обзавёлся. Би жил в пригороде... Я думала, будет своей доли домогаться, но он и не прописывался. Там жил, мотался по съёмным квартирам... Потом сын свою квартиру купил, невестка не хотела со мной жить. А работа позволяла ипотеку оплачивать... Я на них не в обиде. А мне «двушка» зачем? Разменяла на «однушку» и комнату недалеко у Балтийского вокзала. Там он и обитает ... —

— Трудится? —

— Работал на заводе ... Ты ж его знаешь, у него — работает, пока интересно. Как надоест, другое ищет ... Точно сказать трудно. Вроде, с деньгами... Запросы у него, как у Робинзона Крузо. —

Захаров посмотрел на часы, заглянул в стаканчик, допил кофе. — Что ж, если желание есть, поехали... Он не пьёт сей-

час? —

— Давно не пьёт... Лет десять... И в последнее время не замечала... впрочем, мы видимся раз в месяц. По жилью, по крайней мере, не скажешь ... —

3. — Надо что-то делать... что-то менять. Что? И зачем? Менять что-то частное... Сколько уже было этих изменений. Что изменилось? Мелочи. Иногда вообще что-то несуразное, неизвестно, к чему, зачем... Менять что-то кардинально... Да.

Но что? Тогда уже законы природы... У учёных это лихо получается. То земля плоская, то Солнце вокруг неё, как елочный фонарик, то большой взрыв, то замкнутая бесконечность, прячущаяся в складках пространства, бесконечного пространства... Бесконечность у них ограничена и вытекает из чёрных дыр...

Чушь и заумство... Но что неизменно, это наша жизнь... И тоже руки чешутся всё изменить... Вон кот Бублик в окне торчит, как пять лет назад, как через пять лет. Что тут можно изменить. Бублика убить? Что-то изменится на пять следующих лет — вместо Бублика будет торчать на подоконнике другой кот. Хорошая тётка Татьяна Кондратьевна проклянет убийца Бублика, через год забудет рыжего худого кота, будет во дворе призывать другого зверя... Ничего не изменится.

Что за мания у людей — менять порядок вещей... Знают, что суть от этого не перестанет оставаться той-же, серой, тя-

гучей и мимолётной бесконечностью... Осень, зима, весна... Белые ночи, чёрные дни... Дожди, зной, душный зной, как в джунглях... В джунглях ничего не меняется... Сезон дождей, сушь, великая сушь... опять всемирный потоп, и никто ничего не думает менять...

Он увидел, как из тоннеля арки вышли двое и оглядели двор, направились к его подъезду. Аллка, а второй... неужели Захар... давненько не виделись. Очень давно. Любуется памятником отечественного автомобилестроения, восхищённо крутит башкой.

Какой чорт его принёс? Аллкины штучки... Зачем? Тоже что-то изменить хочет?

Захар – это хорошо. Что-то новенькое...

4. – У меня есть ключи. —

– Ага, – сказал Захаров.

– Никаких «ага». Валялись у него на тумбочке, у двери, я и стащила. Он не заметил, а если и заметил, ничего не сказал. —

– Я и говорю, – "ага», – Захаров смотрел, как она ключом тычет в кнопку домофона. Что-то щёлкнуло, дверь отодвинулась.

Обычное парадное старого Петербурга, описанное всеми классиками, от Гоголя – Достоевского до Мандельштама и Цветаевой...

Сумрачно, сыро и холодно. Лампочки-«сороковки» будто

жуждали что-то своё, света не давали. В тени под лестницей стояли малярные хлипкие козлы, испачканные известью. Судя по прилипшему сухому листику, стояли с осени. На полу под ними валялась смятая сигаретная пачка. Гранитные ступени по центру были стоптаны и стёрты тысячами ног поколений жильцов. К обшарпанным, потрескавшимся дверям по обе стороны лестничных площадок тянулись провисшие лианы разнокалиберных проводов, покрытых чёрной пылью. На потолках – разлапистые круги от прилипших сожжённых спичек. Под известью на стенах видны процарапанные гвоздём заглавные буквы, плюсы, сердца, знаки «зоро». И старинные медные таблички, покрытые натёками серой и коричневой красок. Сквозь краску проступали буквы фамилий давно отсутствующих прежних жильцов. На площадках к лестничным ограждениям были привязаны консервные банки для окурков. Такие-же банки стояли на каменных подоконниках.

– Коммуналка, – вздохнула Алла, вставляя ключ в замочную скважину правой двери на третьем этаже. За дверь открылась ожидаемая картина прихожей, тоже сумрачная, неудобная, похожая на хозяйственную кладовую. Коридор упирался в дверь, видимо, туалета. Направо закрытая сейчас жилая комната. Налево ванная и невидимая отсюда кухня. Домашних животных здесь не было, это почему-то ясно ощущулось...

Алла коротко постучала в первую дверь направо, прислу-

шалась.

– Дома нет? Или спит? – она толкнула и вошла в открывшуюся дверь. Захаров последовал за ней. Сразу за порогом она задержалась, и он обошёл её, с любопытством оглядывая комнату. Бытиё холостяка всем известно и бывает двух типов; – где присутствуют книги, и где на стенах висят флаги и шарфы с эмблемами «Зенита». Здесь признаков «Зенита» не наблюдалось, и Захаров вспомнил, что Би всегда на физическую культуру смотрел снисходительно свысока. Когда по ТВ радовал глаз очередной чемпионат мира, Би удалялся на кухню и угощал себя пивом. Так что не было здесь ни постеров с рекламой антиперхотного шампуня, которым любят баловать себя миллионеры – звёзды мяча и ракетки, ни футболок «I love Zenit!», ни сувенирных кубков... В левом углу, у окна стояла единственная новая мебель – современный уютный диван два-на-два, песочной расцветки, на котором имелаась тощая подушка того-же цвета и верблюжье одеяло, зелёно-серое, в чёрную клетку. Над диваном по стене художественно развесили репродукции любимых художников: Шагал «России, ослам и другим», Ван Гог «Кипарисы», «Распятие» Дали, что-то геометрическое и герническое Пикассо. Кажется, ещё там была картина Сони Делонэ. И висели веточки искусственной растительности. Напротив дивана на стене висел «Шарп» с диагональю 30». Под телевизором располагался дивидишник LD на тумбе, с разбросанными дисками.

– Терминатор, Звёздные войны и Секретные файлы. – подумал Захаров, и не ошибся.

Справа, у двери стоял кухонный стол с подвесным шкафом и всякой производственной мелочью, дальше холодильник неизвестной заграничной марки, увешанный забавными магнитиками. Один, например, изображал обнявшихся крутых бобров, провозглашавших :

– нет ничего лучше для родственных душ, чем совместное занятие идиотизмом! —

За холодильником в потолок упирался айсберг одежного шкафа светлого орехового оттенка, а дальше было царство книг. Самых разных, по рангу, цвету, размеру и тематике. Это была болезнь Би. Также там за стеклом и на открытых полках стояли десятки коробок с DVD-дисками. И опять всё это было обрамлено пластмассовыми веточками и листиками, очень натурально выглядящими.

Посреди всего возвышалось пухлое плюшевое кресло с футуристическим столиком. Пепельница, сигареты с зажигалкой, ноутбук «Dell» с мышью и несколько книжек – всё, что на нём уместилось. У изголовья дивана ещё имелась фигурная тумбочка, также с пепельницей, мобильником из не перегруженных, пара книжек и кружка зелёного стекла, пузатая и с холодным кофе. Над изголовьем дивана висело на стене деревянное распятие с измождённым Христом. Под распятием помещалась рамка с вставленной молитвой» Отче наш».

Захаров внимательно всё это оглядывал, видимо пытаясь составить представление о предназначении автора этого натюрморта, и не спешил замечать самого хозяина.

Алле присутствующие предметы были уже знакомы, и она, увидев наконец хозяина, который восседал на подоконнике, поджав колени к груди, поставила сумку к кухонному столу. Потом открыла холодильник и обзрела морозные дали, где сверкали холодные иголки. Кроме мороза там была коробка спреда, бутылка растительного масла, кетчуп, с десяток яиц и баночка горчицы.

– Понятно, – сказала Алла. – Диета, – она наклонилась к сумке, стала доставать из неё какие-то целлофановые пакеты, бумажные пакеты, картонные упаковки. – Здесь котлеты, хинкали, замороженные овощи... На два-три дня хватит... Деньги есть? —

Би, по-прежнему глядя в окно, кивнул, что-то он там видел, очень ему нужное. Потом оторвался, повернул голову,

– Там кот. Звать Бубликом. Здорово, Захар... Давно в наших краях? Один? —

Захаров закрыл за собой дверь, увидел вешалку с курткой, подумал, шапку положил на полку, пальто повесил, посмотрел под ноги – пол был застелен паласом геометрического рисунка, жёлто-зеленого цвета, снял ботинки, с пачкой сигарет уселся в кресло. Наклонив голову, посмотрел на обложки книг, и достав сигарету, взял коробку с диском.

Алла тоже сняла пальто, щёлкнула кнопкой чайника, до-

стала из шкафчика три кружки. Банка с кофе и сахар стояли здесь-же.

— Что смотрим? Фильмы Тарковского. «Солярис», «Сталкер» ... Который раз? — ответа на этот вопрос не требовалось, всё-равно не определить...

— Мне «Солярис» не нравится... Крис обращается с Хари, как с ручным зверьком ... —

— Чисто женское отношение... Хотя, ты права... Такая собачонка ... —

— Хари нужна Лему, как символ Земли. Якорь, от которого Кельвин не может освободиться... Помните, в 83-м, кажется, премьера «Сталкера»? Восторг, ажиотаж... А потом разочарование. Я пошёл на Стругацких, а попал на Тарковского... Его сталкер меня разочаровал. Я тогда всё ещё верил в лозунг — Человек рождён, чтоб сказку сделать былью. Покорим природу... Для нас нет преград, ни в море ... —

— И что, упёрся в преграды, и лапки поджать? —

— Поджали... В шаманизм ударились ... —

Захару это было не интересно. Вот кому, действительно, «нет преград» ... Какие там преграды, заборы-ограды... Главное, не брать в голову, не заморачиваться. И всё будет, как надо... Только кому надо...

— Кому надо? ... —

— Ты про что? —

— Ладно, проехали. Давай кофе пить. Батона нету? Жрать охота ... —

5. – Читаешь? – большим, толстым пальцем Захаров пошевелил книжки. – «Театр» Моэм. «Трагедии» Шекспир. «Моби Дик» Мелвилл... Это что? Лем, «Фантастика и футурология» ... Вернадский «Ноосфера и биосфера» ... Не ску-
чаешь ... —

– Скучаю. Ничего не читаю. Надо. И не могу ... «Власте-
лина колец» уже три раза начинал... Не получается ... —

Захаров подошёл к книжным шкафам, посмотрел на ря-
ды.

– Вот! Герберт Уэллс в 16-ти томах! Шестидесятые? Где
схватил? —

– На Финляндском, в» Букинисте " ... —

– «Чудесное посещение» прочитай. Понравится. —

– Недавно. Перечитал. Я его ещё в школе читал. —

– Титан! ... И что вычитал? —

– Всё суета сует. Перестань кривляться. —

Захаров хмыкнул, подошёл к кухонному столу, отрезал
ломоть батона.

– Сыра нет? – намазал малинового джема, откусил поло-
вину, энергично прожевал. – Выпить будем? —

– Захар, ведь наверняка заранее прояснил этот вопрос,
иначе пришёл-бы с пол-литрой. Нет? —

– Работаешь? —

– В охране, на Кировском. Сутками. Два через четыре.
Послезавтра на смену ... —

Алла сидела на диване, нахохлившись, задумчиво смотрела перед собой китайскими глазами, ничего не видела. Помешивала иногда в остывшей кружке ложечкой... Вдруг встрепенулась. – Ты на кухне не готовишь? Здесь? —

– Там соседи. Пусть, чего мешаться. И детёныш их... Гоблин малолетний... А... ты это к чему? ... Ага. За идиота держите? Консилиум собрали ...? —

– Нет, – протянул Захаров, – Это не консилиум, консилиум тебя впереди ждёт. Сейчас только разведка боем... Рассказывай. —

– Чего ещё? Чего привязались? —

– Би, – ласково начал гость. – Ты нас не за тех принимаешь... Мы тебе враги? Давай, облегчи душу, как говорится. Ведь за версту видно – книжки тебе не лезут. Котов он изучает! Котовед ты наш ... —

Хозяин исподлобья оглядел гостей, бросил недокуренную сигарету в пепельницу, открыл нижнюю дверку шкафа, достал стопку новых, ярких книжек, положил перед Захаровым. —

– Полюбуйся. Хиты сезона. Свеженькие, новоиспечённые, как пирожки. Этим сейчас завалены книжные прилавки. «Тайны Стоунхенджа», «Долина Наска»,

«Секреты Великой Китайской Стены», «Озёрные чудовища Европы», «Тайны древней Японии» ... Шамбалы, эзотерика, параллельные миры, НЛО ... —

– И что не нравится? Всё это было разжёвано в прошлом

веке ... —

— И кому -то оно понадобилось сейчас? Новые имена. Старые факты, но уже через квантовую физику и теорию струн? И всё — враньё. Я уже даже и науке не верю — новости интернета переполнены научными сенсациями. Что там нового? Не знаю... Сплошное враньё... Политики, экономисты, учёные, ну, у журналистов это кусок хлеба. Врут начальники, коллеги, друзья! А реклама? Телевидение — сплошной шоу-бизнес... Не врут только книги. Старые книги, испытанные временем. Почему сейчас бум на классику?

Я вижу — в метро, электричках люди читают Сервантеса, Достоевского, Гомера, Драйзера, Ремарка... Люди устали от лжи, соскучились по истине.

Людей меняют... Целенаправленно, осмысленно. Меняют внутренне, на уровне каких-то связей в мозгу, смысловых цепочек... Кто? Или что? Не знаю. Постоянно рождаются слухи о мировых заговорах... Чем дальше, тем противнее и страшнее... Конечно, наше ТВ и СМИ — это уродливое порождение рынка. И то, что они преподносят, как мировой заговор ОЛИГАРХОВ против всего человечества — тоже

— «делай бабки по — любому» ... Не верю я что-то во все эти теории заговоров. Заговор — это против Сталина, Гитлера, Чингиз — Хана... Конечно, рынок диктует свои законы, и главный — побольше продать при наименьших затратах. Из-за этого идут и против законов и против совести... Но ведь не против всего человечества... Ведь потребителей уничто-

жают!!! И тоже, конечно, закон временщиков – «после нас хоть потоп» ... Что им трупы и больные старики (и не только старики) – главное, делать деньги. И это ведь тоже болезнь, когда дело даже не столько в деньгах... Главное – БИЗНЕС.

А заговоры – это игрушки. ЧТОБЫ ОРГАНИЗОВАННО УНИЧТОЖАТЬ, ИЛИ ТОЛЬКО «ЗОМБИРОВАТЬ» ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – НУЖНА МОЩНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. А ОРГАНИЗАЦИЯ – ЭТО УЖЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ, КОНКУРЕНЦИЯ И УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ... Ребята, кто это делает? Ведь я постоянно это ощущаю... Я устал. Я не знаю, в каком мире мы уже живём... Я запутался. В себе самом запутался. А вопросов всё больше ... —

6. – Ребята, хотите развеселю? – Би подошёл к книжному шкафу, достал яркий красный томик, открыл на закладке. – " ... Государство попало в кабалу олигархов, и граждане сделались бесправной, презренной чернью! Олигархи не знают, куда девать свои богатства, транжируют их на застройку морей и срытие гор, а у других дома – бедность, вне дома – долги... » – Это Катилина о Римской империи. Приведено Юлианом Семёновым, «Отчаяние». А вот дальше.

– «... когда Катилина внёс предложение отменить все долги ростовщикам, он сделался самым популярным человеком Рима, это и испугало олигархов, отсюда та клевета, которая была обрушена на него... » —

– Аллегориями сыпешь? Убивать надо таких юмористов

... —

— Самые загадочные и невообразимые существа, придуманные БОГОМ — вомбаты. Никто даже прикинуть не может, что творится в вомбатьем мозгу!!! —

— А ещё фокус — в сети распространяется теория известной психологички как-её-там: — Мозг наш, говорит, главный наш законодатель, а разум, личность, это всё игрушки, вторично это всё, а вот мозг — это — ДА!!! И всё, что мы есть — это инстинкты и рефлексy. ... Как вам? —

7. — Потом Захаров ушёл, сначала написав записку, которую отдал Алле.

— Дорогу найдёшь? Только не напивайся сильно. —

— А «слабо» — оно того стоит? —

— И не поговорили... Надолго здесь? —

— У меня отпуск... Творческий. Время есть ... —

— Созвонимся, увидимся... Если получится, —

Би проводил друга до двери, на лестнице уже было жёлто — темно, послушал уходящие вниз шаги. Алла нашла пульт от телевизора, выбирала программу.

— Поужинаем? —

— Охота тебе с готовкой возиться? Дома не ждут? —

— Не ждут. Я хинкали принесла. Пароварка есть? —

— В кухне, в столе мультиварка... Сейчас принесу ... —

В голове почему-то всплыли строчки старой песни, ещё школьных времен, —

«... Вот и всё, Я тебя от себя отлучаю, Вот и всё, Я себя от тебя отучаю...»

Мультиварка на удивление нашлась. Он приволок её в комнату, водрузил на стол. Потом влез уже в стол и долго отсутствовал, пока Алле не надоело. —

— Уснул там? Что за фокусы? —

— Сеточку ищу... Знаешь, такая, в мультиварку вставляется, для пароварки ... —

— Знаю. А в мультиварку заглядывал? Не судьба? —

В самом деле, запчасти находились в чреве устройства. Даже соединительный шнур. Даже инструкция и сборник рецептов. Би сидел на диване и смотрел, как она наливает воду, солит, включает режим пароварки на 20 минут... Наедине с ней ему было неуютно, он ничего не понимал, и почему-то ощущал вину, этого чувства не было уже лет десять, когда он запретил себе думать на эту тему. Какого чорта, в самом деле?

Алла села в кресло напротив него, смотрела прямо в глаза.

— Чего скукожился, бедолага? —

— Я не понимаю ... —

— Почему я здесь и что за этим кроется? А ничего. АБСОЛЮТНО. Пойми и прими. Ведь уже нафантазировал чорт знает чего? Хорошего или плохого, не важно. Только зря. —

— Тем более не пойму.— упрямо сказал он.

— Хорошо, объясню. Я тебя знаю. Ты — человек не плохой. Дурак, может быть. Уж какой есть. И мне не хочется, чтоб

тебе было плохо. Я тоже не подарок. Давай уже помогать друг другу ... —

– Это значит – "будем друзьями»? Как в школе ... —

– Никак обиделся? Мы – другие. Что было – давно ушло. Кроме уважения. Я знаю, даже тогда, ну... тогда – ты меня уважал. Как человека. Несмотря ни на что. Пусть так и будет. И ни-че-го больше. А всё остальное, ну, там, что будет... Это физиология и уважение, ничего больше ... —

Ему, конечно, хотелось съязвить насчёт физиологии, но он вспомнил о далёком уже синяке под глазом... Это у не запросто. И он просто сглотнул, молча кивнул... Что можно было сказать?

– О, кей. Доставай тарелки, вилки. Майонез есть? Лучше бы сметанки... Что за бред в твоём телевизоре? —

– Любопытствую, – сказал он, когда они ели горячие хинкали.

– Любопытствуй, – разрешила Алла.

– Что за документ Захар оставил? Не координаты randevу? —

– Я и забыла. Где она? В пальто, кажется ... —

В записке был написан телефон и слова, – Позвонишь, будет время. Это человек умный. Всё обговорите ... —

– Понятно. Он обещал свести с авторитетом по психиатрии ... —

– Для кого? – тупо спросил Би.

– Для одного тут. Один тут имеет что-то против? —

— С ума с вами сойдёшь.— это было сказано искренне.

— Да найди ты что-нибудь посмешнее... Французскую комедию, например. —

— У меня есть на дисках. Ришар, Бельмондо? —

Он поставил «Чудовище» с Бельмондо...

— Сколько мы с тобой уже знаем друг друга? —

— Забыл? Знакомы с двенадцати лет... Больше тридцати уже ... —

— Да. Половина жизни. А результаты? —

— Озлобленность? Отчуждение? Два аборта ... —

— Ты меня винишь в этих абортах? —

— Честно? Что-ж, ты, конечно, решение оставлял за мной.

Великодушно. Но ведь я слышала, отчётливо слышала скрежет душевный, и зубовный ... —

— Ты хотела бы детёныша принести туда... В обледенелую берлогу на Бумажной улице? Да и разве в этом дело? И ты это чувствовала, и я.

Наша жизнь... просто катилась. И мы не знали, куда она катится. Без нашей воли ... —

— Ты помнишь, почему я здесь вообще оказалась? Приехала из Владивостока. —

— Только не говори, что ради меня ..., что если бы не я... Ну, что там обычно бабы говорят, когда хотят найти крайнего, виновного в их бедах ... —

— Разве я тебя когда-нибудь в чём-то упрекала? Я не девочка Маша. И никогда ни на кого ответственность за свои

решения не перекладывала. Впрочем, ты тоже. Ты всегда полагался на догадливость других. Они всё понимают, и проявляют чуткость... Ты всегда отличался благородством ... —

Он лежал на диване, совершенно голый и смотрел, как она раздевается. Под кофточкой у неё, оказывается, совсем ничего не было надето. И как всегда чёрные трусики. Тогда, в первый раз на ней были такие-же...

— Потом Би просто лежал на спине, ощущая, как высыхает пот на коже, и это было приятно. — Тогда, раньше... Пятнадцать лет назад... как давно! ... это было совсем по другому. По — сумасшедшему. Будто пытались украсть кусочек счастья. И это казалось обманом, мошенничеством. —

Алла, тоже лёжа на спине, что-то промурлыкала...

— А перевод? —

— Говорю, тогда между нами была она. Как надзиратель... или свидетель... незримый эталон. —

— Ну уж и эталон! — запротестовал он, но осёкся, помолчал, оформляя мысль. — Ты не так уж и не права... В самом деле. Я тоже это чувствовал ... —

Он сам удивился, как легко он принял этот факт... Ведь сейчас уже не было ничего между ними... Как это ни воспринимай... Ни обязательств, ни надежд, ни обещаний. Ни будущего. И говорить на эту тему не было никакого смысла. Всё должно быть так, как будет...

Ночью Аллу разбудил его крик...

Глава 2

1. – Алла работала в проектном институте специального машиностроения МО России, что у станции метро «Электросила», на улице Решетникова, и на работу утром проснулась в шесть часов. Было ещё темно, и она с трудом могла рассмотреть в зыбком электрическом свете, проникавшем снаружи, лежащего на животе Би. Она знала, что в этой позе он привык спать с детства, и чему-то улыбнулась. Пока чайник закипал, она умылась, наспех нанесла лёгкий макияж – она всё ещё не нуждалась в «спецкамуфляже», и знала, что выглядит лет на пятнадцать моложе себя. Соседей слышно не было, и перед зеркалом в ванной она позволила себе расслабиться, разглядывая отражение. Молодец, всё в норме, всё как должно быть. А сиськи, что ж сиськи, это дело десятое. Памелу Андерсон ей всё-равно не дублировать... А ведь Би тоже молодец... Она провела языком по губам, снова ощутила во рту солоноватый вкус спермы... Хулиган. Раньше себе этого не позволял. Многому научился за прошедшие годы... Во всяком случае, направляющая рука ему уже не требовалась... Стараясь не шуметь, она попила кофе, сжевала кусок батона со спредом. В записке, оставленной на тумбочке, она наугад написала,

– «Отдохни перед работой, доешь хинкали, пожарь котлеты. Созвонимся» – подумала и добавила – «Ц. Аллка». —

Будить его она не хотела, не переносила его глаза, укоряющие и вопросительные, требующие оправданий и обещаний. Ведь станет тут-же курить и сверлить коричневым взглядом... И без поцелуя перебьётся. Как и почему он и расстались? На первый взгляд, азбука. Его первая, бывшая. Здорово она его зацепила. НЕ исключено, что до сих пор кро-воточит, хотя он этого никогда не покажет, задвинул... Алла прекрасно понимала, почти с первого дня их семьи, что она – орудие его мести. Холостое орудие. А он сам, похоже, об этом и не думал... Школьная любовь! Романтические вечера на крыше пятиэтажки, или в беседке в бездонном дворе под бесконечным чёрным небом. Гитары, философские споры о НАЗНАЧЕНИИ... Ерунды мешок. Просто уязвлённое самолюбие и чувство, что его обманули.

А у неё? Не то же самое? Конечно, небо в алмазах не обещалось. Так, полунищая городская жизнь, туманные перспективы, рай в шалаше... И она отомстила? И это тоже. Только потом чувство сладкой мести ушло, она поняла, что тоже поступала по каким-то его серым планам. В те годы главным был вопрос выживаемости. Он что, подставил её, спрятался за колючим забором? Когда он пришёл, потом, она увидела, что нет у него ничего для неё. Ни сказать, ни предложить. Будто стёрли какую-то часть души. Он не ожесточился. И не старался забыть, простить, да и она не чувствовала себя в чём-то виновной. Да, это произошло. Что теперь? А НИЧЕГО. Пустота. Стёртая страница... Но не осталось ни

горечи, ни обиды, ни вины. Просто, снова" встретились два одиночества", и пора подводить итоги. Конец года.

2. – Валерьян? Здорово, Валерьян, Захаров это. По поводу

... —

– Конечно, конечно. Сергей, здравствуй-здравствуй...

Помню, да! Как его, Борис... да. Что нового скажешь? —

– Ну, был я у него вчера в гостях, вместе с его бывшей

... —

– Бывшая... Давно они расстались? —

– Давненько... Она сейчас в роли приходящей няньки у него. Женщина вполне здравомыслящая. Не знаю, просто жалеет его, или какая перспектива ... —

– Что-то серьёзное намечается? —

– Их не поймёшь. Оба люди странные... в хорошем смысле, только Алла в своём роде... Расстались они, понимаешь, сложно. Нехорошо, в смысле. Он тогда запойным был. Растерялся в начале 90-х, ну и... на последней черте ... —

– Но сейчас больём поросло? —

– Похоже... Хотя, знаешь, тюрьма так просто не уходит. —

– Она его туда упрятала? —

– Говорю, тут намного сложнее... Формально, вроде и она. А похоже, он нору себе искал... Бомбоубежище. —

– Понятно. А последние впечатления? —

– Не могу я понять последних впечатлений... Вроде,

всё, как всегда... Юмор, книжки... Он всегда повёрнут был на книжках. Начитанный, как чорт. Опять же, повторю, оба странные люди. Непонятные разговоры, намёки, коты какие-то рыжие ... —

— Коты? У тебя самого крыша там не того? —

— Всё может быть... В каждом слове десять смыслов... В общем, если интерес, пиши адрес... Это от Балтийского три-четыре минуты. Сегодня у него выходной, потом двое суток, и снова четыре выходных. На Кировском заводе. —

— Обо мне ты ему говорил? —

— Так, вскользь... Не заинтересовался. —

— А всё-таки, хоть что-то из ряда вон, чего раньше не было? —

— Есть, конечно... но это и на возраст можно списать, и на жизнь. Жизнь у нас весёлая, непредсказуемая... Слышал, наверное речи такие: — мировой заговор, тайное правительство, зомбирование народа, психотропное оружие... Такой бред... Он к этому язвительно относится, но что-то... что-то у него есть к этой теме. Знаешь, он раньше на МО работал, я тоже, в общем-то. Только я быстро оттуда свалил, у меня заморочки с Наталкой начались... Да и не любитель я железок. А объекты там серьёзные были... Не бредовые, но что-то на грани... Может, из тех времён какая-то информация у него... Так сколько лет прошло, давно срок подписки истёк... Не знаю... Но его реакция наводит на мысли. —

— Понятно... Интересно. Как с ним связаться? —

– Пиши телефон. —

– Встречу не назначали? —

– ... Нет. У нас, понимаешь, так не заведено... Нужда возникла, появился и всё ... —

3. – Би проснулся в девятом часу, закон целесообразности, есть возможность выспаться, надо использовать до отказа. Не глядя, потянулся к тумбочке, нащупал сигареты. Что-то там лежало на пачке, бумажка... Записка. Закурил, щурясь, с трудом прочитал, что оставила ему Аллка. Ладно. Он ничего не почувствовал. Как она сказала, дружеская физиология. Братский перепих... А хамить не надо. Аллка – человек. Кот Бублик человек. Захар тоже... Би прислушался к себе, к тому, что представлялось душой. Вроде, порядок. Ни облачка... Или есть? Захар. Он что-то такое упоминал... Психиатр, тест... Чушь какая-то. Фрейды нашлись. Но... что-то здесь есть. Настораживающее.

Кефирчика-бы, холодненького. Может, в холодильнике есть, вроде покупался на днях. Некоторое время он стоял перед холодильником, тупо глядя в освещённое нутро. Кефира не было, присутствовали незнакомые пакеты, очевидно, доставленные Аллкой. Вернулся на диван, надавил кнопку пульта. На экране очередной дебил в очках, похожий на профессора физики, с огнём в очах излагал очередную потрясающую все основы теорию о сокровенных тайнах Вселенной. За спиной дебила имелась чёрная доска, испещрённая

латинской цифирью и какими-то чёрточками. Это должно свидетельствовать, что всё свободное время дебил рисует шаманские картинки и двигает таким образом цивилизацию вперёд... Достали, сволочи. Не любил Би жуликов. Конечно, со школы начиная, как любой малолетний экстремал, он верил любой фразе, где светилась волшебная формула «НЛО». Боготворил Несси, молился по книжкам Дэнникена, глотку любому готов был перегрызть за параллельные миры. Время было такое. Верили партийным лозунгам. Там, типа – и на Марсе яблоки будут... А разве Бредбери – Стругацкие расписывали не то-же самое? только более захватывающе, привлекательнее, обращаясь не к абстрактному народу, а к каждому читателю лично.

И в книжках об Атлантиде – Фаетоне ты видел вокруг не загаженные донельзя переулки Родины, а полные загадок, манящие, сверкающие нечеловеческие миры... Которые надо было обязательно изучить и облагодетельствовать человеческой моралью и этикой... Конечно, был и Лем с его Солярис, не вписывающейся в социалистический реализм... Но ложь надоедает и начинает вызывать отвращение, когда её впикивают в уши постоянно и настойчиво. Как в политике, так и в книжках. Конечно, он чётко различал фантазии Гомера, Шекспира и прагматику исследований следов древних суперцивилизаций», а уж когда обрушился на головы рынок – всё вдруг стало ясно – «ДЕЛАЙ ДЕНЬГИ» – и больше ничего. Обман и пустота. И тут ещё... Аллка... Алла

Демидовна. Проблема? Конечно, она предупредила вполне определённо и категорично – никаких розовых фантазий... Но что там на самом деле? Не понимал он их никогда. И ещё дурная привычка – думать за них. Вживаться в их роль. Да разве это возможно?!

Женщины – существа из чёрных дыр. (И у каждой- своя собственная. Хи-хи) ... Что у них в голове? Сплошные апо- рии. Впрочем, за годы самостоятельной жизни, Би привык решать такие непонятные проблемы радикально и карди- нально. Не знаешь, что делать, не делай ничего. Не замечай проблему, и она решится сама собой. Самым рациональным образом. Терпение. И главное, не пороть горячку... Сколько дров наломано... Он подошёл к окну, пригляделся. Дружи- ще Бублик исправно нёс службу.

4. – Что вам вспоминается из прошлой жизни? —

– Я не помню прошлую жизнь... Говорят, их много... бес- конечно. Так что, я думаю, это сказки. Тема хорошей песни Высоцкого. Не больше. —

– А я спрашивал не о ваших предыдущих воплощениях. Этот вопрос пока открыт. Что вам вспоминается в первую очередь. Обычно люди считают, что их спрашивают о ка- ких-то ключевых моментах... Нет. Как раз в голову лезет всякая мелочь, дичь, о которой специально и не вспом- нишь... Когда писатели описывают предсмертные мгно- вения, почему-то сочиняют что-то трогательно-символич-

ное... Не думаю, что это так в действительности ... —

— Ты начал профессиональный опрос? Первое впечатление сложилось? —

— Не думай, что будешь интервьюировать меня... Первое впечатление. Пока только, что передо мной интеллигентный человек. Как это определяется, не спрашивай. Это просто впечатление. —

— Я не буду задавать вопросы. Интеллигентный человек должен предложить кофе. —

— С удовольствием. На улице какая-то мерзость ... —

— Кофе без изысков, растворимый. И без молока ... —

— Не люблю кофе с молоком. Это как шашлык с гарниром. Тебе завтра на работу? —

— Это не работа. Формальность. Сфера обслуживания. И даже просто работаешь в качестве детали интерьера ... —

— Охрана — большое дело в создании имиджа. —

— В нормальной бизнес-культуре. У нас дикость. Утрирование. О чём ты спрашивал? Да, что вспоминается... Ночь. Звёздная ночь. Она везде, только горизонт закрывают чёрные силуэты пятиэтажек с прямоугольниками жёлтых окон. Но это внизу. —

— Зачем один? Нас двое. Иногда трое. Я, Алла и иногда друг Валера. Ничего не происходило. Иногда непонятные разговоры. О книгах, музыке... О школе, мы тогда учились в школе, в девятом — десятом классе... Нет, в десятом Валеры уже не было, его отца — военного, перевели во Владиво-

сток ... —

— Вы скучаете о том времени? —

— Скучаю? Хочу вернуть? Просто грустно, что такого больше вроде и не было в жизни... Что-то похожее, но ... —

— Какую книгу прочитал последней? Не одну? —

— Читаю. По настроению... Пять страниц там, десять там... Книги... НЛО, Несси, Стоунхендж, Наска, параллельные миры. Кучу идиотизма. Чтобы убить время. А с удовольствием? Карл Саган «Космос», Юлиана Семёнова «Горение» — это без удовольствия. Чёрная история. Надо знать... Клиффорд Саймак «Почти как люди» ... —

— А зачем идиотизм читать? Рациональное зерно ищешь? —

— Чего? Там этого нету... Может, чтобы себя умным почувствовать... Это теория такая — всё познаётся в сравнении, да? Читаешь — академик лошарной академии, профессор неведомых наук, и рецензия, сплошные дифирамбы. Читаешь — а там, волосы дыбом. Школьные ошибки, ляпсусы, притянутости даже не за уши, за яйца. Я даже проконспектировал книг пять, наиболее скандальных, самостоятельная книга получилась, навроде «Азбуки шамбалоидов» Образцова. —

Гость достал записную книжку, черкнул «Азбука шамбалоидов», Образцов. Прочесть. " — Любопытно ... —

— Вы, Борис Валентинович, человек начитанный. Может что-то порекомендуете по специальности. По психологии.

Не из обязательной программы. —

— По психологии. Фрейд и Сухомлинский, видимо, уже из обязательной ... —

— И Фром, и Фуко ... —

— Ещё учась в школе, я прочитал любопытную книжку. Русскую. Психология личности и психология коллектива. Очень хорошо, читал запоем. Тогда выходила научно-популярная серия ... «Наука и жизнь»? Не помню. Ни имени автора, ни названия. А фамилия — Каширина. Судя по книге — интеллигентный и умный человек. Написано понятно, доступно и интересно. Прочитал взахлёб. Дураки ведь пишут нудно, заумно и путано. Это мимикрия у них такая. К сожалению тогда все тянулись к запретному, который сладок. У всех на устах Фрейд... Ну и я хлебнул... Господи, вот наворотил человек, всё равно, что «Отче наш» излагать языком квантовой физики... А вы, я вижу, тоже используете профессиональный инструментарий? —

— ... Простите? —

— Чтобы человека расположить, позитивно настроить, надо дать ему понять, что считаешь его умнее себя, и ценишь его мнение. Азы. Вызывает ответное доверие и уважение. Желание поспособствовать. Вы вот записали имя автора «Азбуки шамбалоидов». Пётр Образцов. И в потребительской психологии здорово разбирался. Был научным обозревателем «Известий». Не знаю, жив-ли ещё... А текст в интернете есть... Здорово он сделал всех этих прохиндеев ... —

– ... Сколько ты уже не пьёшь? Лет десять? —

– Двенадцать. —

– И как ты держишься? У каждого бросившего, кажется, есть свои отработанные приёмы, помогающие блюсти обет. —

– Да. Есть. Не знаю. Я сразу выбросил алкоголь из своего жизненного круга. Не было никаких правил, клятв самому себе и другим. Просто это перестало меня касаться. Я убедил себя, что алкоголь и полноценная жизнь несовместимы. А мне нравится жить. Правда в последнее время всё меньше и меньше. Но я и выпивка — мы не имеем друг к другу никакого отношения... Я не мешаю пить другим. Я терплю это у друзей. Но я ненавижу пьяных. Мне противно дышать с ними одним воздухом ... —

– И не тянет? —

– Выпить? Не знаю. Я не думаю об этом. Иногда я пытаюсь представить себя пьяным. Я не помню уже, как это было со мной! Помню кучу глупостей, что вспоминать противно. Но свои ощущения не могу вспомнить... Только... только я боюсь пить. Мне нельзя быть пьяным — это, как закон ...? Я просто ЗНАЮ, что на этом моя жизнь закончится ... —

5. — На улице было уже темно, когда психолог ушёл — и ему и Би завтра надо было на работу, и дома его ждала жена, с которой у него определённо были проблемы: это Би определил по взглядам, которые тот кидал на часы и прислуши-

вался к телефону. И взгляды эти были не виноватые, а скорее тревожные и испуганные.

Что-ж, жизнь есть жизнь. Би давно понял – чтобы в семье было комфортно, муж должен быть глупее жены. В противном случае конфронтация, подозрения, часто необоснованные, но могущие стать реальными. И скандалы, ни чем не кончающиеся, потому что взаимопонимание и сочувствие невозможны. Впрочем, гостя Би своими теориями напрягать не стал. Тот сказал, что знакомству рад, и горит его продолжить...

А у него очередной пустой вечер. Аллки сегодня не будет... Его это не огорчило, это был факт, который существовал и требовал констатации...

...в начале мира воссуществовал великий змей по имени Кем-Атеф, который, умирая, завещал своему сыну Ирта создать Великую Восьмерку богов (боги Амана, Каук, Наун, Хаух и богини Амауни, Кауки, Науни и Хау-хи). Боги имели облик мужчин с головами лягушек, а богини – женщин с головами змей.

Боги Великой Восьмерки плавали в водах первозданного Науна и отправились в путь к низовьям Нила, в г. Гермополь. Из земли и воды они создали Яйцо и поместили его на Изначальный Холм. Там из яйца вылупился Хапри – юный бог Солнца... – его глаза уже не хотели смотреть, и «Книга мёртвых» отправилась в пасть ночи... Они пришли к нему в сон – Аупут, покровитель умерших, могил, по-

гребальных тайнств; Каука, олицетворение Великой Ночи; Нефтида, вместе с сестрой Исидой встречающая у восточного неба умерших и Дуат – инобытие, сопровождаемый, как обычно, богинями Нхаба и Нэит, почти сливающимися с ночным мраком.

– " Тень – это след света, который тело поглощает, оставляя пустоту,» – вспомнил Би Фонтенеля, хотя утверждать авторство он не стал бы. Он прекрасно понимал, что это сон, но смысла не было, и это почему-то беспокоило его. Как и то, что в сне ему нужен смысл. Сон по-определению олицетворяет наши страхи и вожделения. Что эти боги могли дать ему? От чего избавить? Они пришли не к нему, понял он, им не до него, какие-то свои божественные дела и заботы вели их, и его сон служил им вратами в неведомое ему, но для них насущное, требующее их присутствия и вмешательства... А он вдруг оказался в кристальной воде ночного лесного озера, но прозрачной, как синее стекло, до самого дна в бахrome колышущейся травы. И вместе с ним была она... Абсолютно нагие, они плавали под водой друг за другом, их тела отливали голубым серебром, напоминая кадры» Человека – амфибии», и он никак не мог уловить момент, чтобы разглядеть её лицо... Он всплывал на поверхность, чтобы сделать глоток воздуха, низко нависали над водой ветви деревьев, и над ними мерцали звёзды. После вдоха он ушёл в воду и лицом к лицу столкнулся с Аллкой. Её глаза были закрыты, груди колыхались в потоках воды, а руки

протягивались к его лицу...

Он закричал и проснулся. В комнате было так же темно, но кто-то здесь был, это ощущалось совершенно отчётливо. Он не мог и не хотел приподниматься, чтобы оглядеть комнату, и к нему подошли. Это была Нефтида, юная и стройная, и на её плече сидела призрачная птица Нэит...

– Не торопи события, шелестящим шёпотом сказала Нефтида, еле шевеля губами. – Мы не ждём тебя, нам нужно другое, чего ты не знаешь. И не желай этого знания, ибо оно может убить, а может дать бессмертие, что для тебя – одно и то-же ... – она ушла вслед за другими...

6. – За спиной захлопнулась дверь парадной. Было всё ещё темно, но уже с явными признаками белых ночей – чуть ощутимым мерцанием, невидимыми следами искр и сполохов тумана. Он поднял голову – за чёрным стеклом чувствовался сгусток более светлого. Рыжий кот Бублик охранял пустоту двора. Би поднял руку, пошевелил пальцами.

– ... Человеку не нравятся вещи, которых он не понимает. Опера, балет, Дж. Джойс, Рубенс... но многое из того, что нам не нравится – взаимоисключающие явления. (хотя многое просто язык не поворачивается назвать «явлением». Рубенс и – Ксюша Собчак, Феллини и – «Дом – 2», Джеймс Джойс и – Д. Донцова. Что истинно и что – дерьмо? А ведь большинство людей сразу скажут – что есть что. Вопрос чисто риторический. Но вот балет. Явление порождено куль-

том тела. Разновидность бодибилдинга, у-шу и пр. явление антихристианское. И тут-же – сопоставление. Рубенс – тоже культ тела. Микеланджело, Роден, Да Винчи... но все они – явления от БОГА. Так что правильно, а что – нет? Не понятно. Цивилизация – творение не людей, но природы. Поэтому-что так надо. А может быть по другому? —

Эти туманные рассуждения свидетельствовали только лишь о беспомощности человека, не желающего принимать некоторые условности общества. Но поскольку против общества не попрёшь, приходилось подчиняться. Би ненавидел работать. Сам процесс ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ насилия над своим «Я» был ему противён... Почему он ДОЛЖЕН вставать ни свет ни заря с уютного дивана и включаться в процесс, ему навязанный и потому противоестественный. Конечно, никто не должен содержать его, обеспечивать все те небольшие удобства и прихоти... А может быть по-другому? Тогда только БОГ. Он должен работать у тебя домработником? И у каждого из миллиардов паразитов, ползающих по планете? Что-ж, Он всемогущ. В Его распоряжении все ресурсы мироздания...

Чорт! Куда смотрят коммунальщики, ноги ломаешь, не дойдя до работы!!! ... В метро было столпотворение. Час пик. Хорошо – ехать без пересадок. Он смотрел на лица. Лица ничего не выражали, обычное нейтральное выражение, «на людях», когда не надо соображать, делать выбор поступка, и реагировать не на что. Просто «фотографии на доку-

менты».

– Нет людей мудрых и глупых. Потенциал любого безграничен. И каждый живёт в своей философской системе, по своим правилам, руководствуясь своей этикой. И в границах своей системы – он мудрец. Другому нет хода в этот мир. Конечно, каждый мир самостоятелен и самоценен, только границы этих миров очерчены чётко, или размыты. Имеют тенденцию к усложнению, или застывши. Способны к взаимопониманию, открыты для влияния, или замкнуты в своих установках, не способны к эволюции, окоченевши в собственных догмах. Они живут по законам замкнутых систем. И любое покушение на эту замкнутость воспринимают, как угрозу существованию... Как мы одиноки в этих своих замкнутых мирах. И нужна вся, присущая нам мудрость, чтобы выжить в них ... —

Он стоял, крепко притиснутый со всех сторон, с тоской косясь вверх, на яркий поручень, до которого было не дотянуться, и чувствовал острое ребро ноутбука в сумке, вывернутой невероятным образом. Кроме ноутбука там находился ещё свёрток с котлетами, пожаренными вчера перед сном, и пара бутербродов с какой-то эластичной колбасой...

Ехать было ещё три станции. Ерунда, когда-то он ездил по полтора часа, с двумя пересадками... Вокруг него показывались десятки обособленных миров, индивидуальностей, континуумов. В складках одежды прятались иные измерения, чёрные дыры, струны и рояли... Что-то вдруг измени-

лось в объёме поезда, будто само пространство замерцало и завибрировало. Тусклый свет стал прерывистым, будто вырывался из плафонов отмеренными порциями, лица серыми пятнами изгибались, как в изогнутых зеркалах смеха, только вместо смеха их провалов ртов рвался немой крик. Люди задвигались, словно какой-то поршень пытался выдавить их в заднюю дверь, в чёрный зев тоннеля. А потом звук включился и ударил по сознанию, по нервам, сдавил внутренности, вставил куски ваты в уши. Не было различимых слов, даже эмоции вылились в этом звуке – рёве сплошной какофонией, в которой и тоска, и злоба, и протест звучали на одной ритмической ноте. Казалось, если бы окна можно было открыть, люди стали бы выбрасываться в мелькающую тьму. Здесь движение было невозможно...

На самой душераздирающей эмоции вдруг настала тишина, только звук движения состава. Потом вступили неразборчивые голоса. Люди вокруг не разговаривали друг с другом, он мог в этом поклясться, они молчали. Но что он слышал? Обрывки фраз? Или мыслей?

– Попробуй доказать человеку, что один и один будет два. Получится? Ведь очевидности доказывают идиоты, а кто ж им верит... Вот в квантовой физике один плюс один равно нулю. Может быть поэтому они все такие идиоты ... —

– Короче, насколько я понимаю ситуацию, надо просто жить, как трава, не высываясь... Сколько-то ещё проживу... Всё-равно от нас ничерта не зависит... Дёргайся –

не дёргайся. Лучше – не будет... А хуже – так чего ещё ждать? Пора привыкнуть. НЕХОРОШИЕ ВРЕМЕНА. А когда они были хорошими? ... —

– Посмотрел на новый год телевизор и обалдел!!! Оказалось – в России столько «чернухи», что мне и не снилось. Знал, что плохо, но НАСТОЛЬКО!!! Ощущаю себя в ситуации; – будто выскочил на улицу и вопию – ГОРИМ, ГОРИМ!!! А мне:– придурок! давно горим, вот только ПОЖАРНЫХ НЕТУ!!! ... —

Его привлекло что-то знакомое в этой мешанине слов ... Имя?

– Татьяна Кондратьевна... говорю, бодрая такая старушенция. Ей ещё бы лет десять дышать и дышать... никто не знает... на лестнице, утром... вот только что... Увезли, говорю, и сказали, что – всё ... —

Уже поднимаясь на эскалаторе, Би сообразил, что Татьяна Кондратьевна – это хозяйка рыжего кота Бублика...

На площадке у выхода из метро он приобрёл сборник sudoku – впереди было двое суток тоски и скуки, обычный калейдоскоп заводских будней. Мельтешение знакомых и незнакомых лиц, распорядок по инструкции, формализм и буква.

И ничего, что запомнится и отметит эти дни в памяти. Просто ещё разрастётся бескрайнее серое пятно под названием жизнь.

* из "заметок" Би —

— ... На эзотерические учения XX-го столетия оказали сильное влияние философские идеи Е. П. Блаватской, основательницы Теософского общества. (КАКИЕ ТАКИЕ «ФИЛОСОФСКИЕ» ИДЕИ?!!! ПРО МАТЕРИК МУ???) ... —

— ... Известным эзотериком начала XX века был также Георгий Гурджиев, его система называется « Четвёртый путь». Гурджиев также занимался постановкой эзотерического балета « Битва Магов».

(ВОТ И СТАВИЛ БЫ «БАЛЕТЫ»!!!) ... —

Глава 3

1. Обычно безлюдный двор поражал многолюдьем. У подъезда напротив кучковались пять-шесть мужиков, прилично-официально одетых. Слышны были фразы о погоде, футболе, новой» Ауди», и по их натужной обыденности Би понял, что это похороны. Автоматически задрал голову – в квартире, где проживала хозяйка кота, все окна ярко светились. Так.

Он достал сигарету, встал поблизости от группы. Ему совсем не хотелось знать о причинах смерти, он понаслышке знал об этих причинах, набор благоглупостей, которые у всех на языке. Разрыв сердца, кровоизлияние в мозг, инфаркт, инсульт – то, что в его жизни почти не встречалось, а где-то с кем-то. Ещё у кого-то из классиков он прочитал: – Что» он умер в окружении родственников, в своей постели, тихо и спокойно, как догорает свеча ...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.